

УДК 94(470.40) 1945| 50:29

ВЛАСТЬ И МУСУЛЬМАНЕ В СССР В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Л. А. Королева, А. А. Королев

Анализируются основные направления советской государственно-конфессиональной политики в отношении ислама на региональном уровне – в Пензенской области во время Великой Отечественной войны, религиозная активность пензенских мусульман.

Ключевые слова: СССР, ислам, Великая Отечественная война, Пензенская область.

Несмотря на явный интерес к исламу в России, к исламскому фактору в ее внешней и внутренней политике, российское мусульманство и его взаимоотношения с властью, в том числе и в СССР, остаются малоисследованным феноменом. Особенно это касается периода Великой Отечественной войны. В советской историографии проблема взаимоотношений власти и мусульман в 1941–1945 гг. освещалась достаточно схематично, главным образом, все сводилось к тому, что в борьбе с агрессором все советские люди, в том числе, и мусульмане, объединились в едином патриотическом порыве, были созданы Советы по делам РПЦ и религиозных культов при Совете Министров СССР, с одной стороны, и Духовные управления мусульман, с другой [Керимов, 1984; Саидбаев, 1975].

Постсоветская историография, опираясь, в первую очередь, на новые архивные материалы, по данной проблематике представлена гораздо шире [Ахмадуллин, 2002; Ланда, 1995; Религиозные..., 1995; Топольникова, 2005]. Причем, если А. В. Малашенко, Р. А. Набиев [Малашенко, 1998; Набиев, 2002] и ряд других исламоведов не выделяют период Великой Отечественной войны как отдельный этап во взаимоотношениях советских властных структур и мусульман, то В. А. Ахмадуллин, С. А. Мельков именно с началом войны отсчитывают новую ступень в развитии государственно-исламских отношений в СССР, обосновывая это тем, что с данного времени начинает меняться отношение властей к верующим мусульманам [Ахмадуллин, Мельков, 2000].

Весьма интересны исламоведческие работы по региональной проблематике, в которых затрагивается период Великой Отечественной войны [Гусева, 2003; Ибрагимов, 2004; Королев, Ключишина, 2004; Королев, 2007; Юнусова, 1999]. В последнее десятилетие особое распространение получила практика проведения конференций и семинаров различного уровня по данной проблематике, что также способствовало складыванию новых подходов и направлений в российском исламоведении [Религиозные..., 2005; Народы..., 2005].

Таким образом, общей платформой постсоветской литературы, посвященной исследованию государственно-исламских отношений в период Великой Отечественной войны, являются следующие положения: во-первых, советские мусульмане поддержали руководство страны в столь тяжелый период, хотя «советское государство в 30-е гг. сделало почти все возможное, чтобы не рассчитывать на такое поведение...»; во-вторых, религиозность мусульман повысилась в годы войны, и советская власть шла на уступки верующим, но строго в политико-идеологических рамках социалистического режима.

Великая Отечественная война действительно способствовала оживлению религиозной жизни в СССР. Мусульманское духовенство заняло патриотическую позицию и призывало верующих к борьбе с фашизмом. В 1942 г. Духовное управление мусульман Европейской части СССР и Сибири (далее – ДУМЕС) приняло на чрезвычайном совещании «Обращение ко всем мусульманам Советского Союза». В мечетях читались молитвы и проповеди с пожеланиями скорейшей победы Красной Армии, война советского народа была объявлена джихадом.

С 1944 г. управление духовными делами мусульман СССР осуществляли четыре независимых друга от друга центра: Духовное управление мусульман Средней Азии и Казахстана в Ташкенте, Духовное управление мусульман Закавказья в Баку, Духовное управление мусульман Северного Кавказа в Буйнакске (ныне Махачкала), Духовное управление мусульман Европейской части СССР и Сибири в Уфе.

В 1944 г. специальным правительственным распоряжением религиозным объединениям было дозволено с санкции государственных советских органов арендовать, строить, покупать требуемые для них помещения, иметь специальные духовные школы, готовящие кадры священнослужителей, издавать религиозную литературу, в том числе и мусульманскую: Коран, журналы. Принятые меры в годы войны оживили церковную жизнь и обеспечили некоторую стабилизацию религиозной ситуации.

В период Великой Отечественной войны в силу объективных причин серьезно усилилась латентная религиозность населения в СССР в целом и татар Среднего Поволжья, в частности. Значительная доля верующих, «отвыкших» в предыдущие годы от мусульманского культа, рьяно обратились к исламу. В определенной степени власти сами подталкивали к этому, приостановив антирелигиозные гонения. Более того, в связи с очевидным ближайшим завершением Великой Отечественной войны и для пропагандистских целей комиссией при СНК СССР по освобождению и отсрочкам от призыва по мобилизации 26 февраля 1945 г. за № 43/с было принято постановление, по которому освобождению от призыва подлежали служители религиозных культов (военнообязанные запаса, независимо от возраста и состава), отправлявшие потребности культа в действовавших молитвенных зданиях. Хотя основная масса имамов Среднего Поволжья находилась в весьма преклонном возрасте, тем не менее, постановление было принято с явным одобрением¹.

Для осуществления контактов между государством и религиозными объединениями, контроля за применением и исполнением советскими органами и религиозными организациями законодательства о культах в 1943 г. был создан Совет по делам Русской Православной церкви, в 1944 г. – Совет по делам религиозных культов при Совете Министров СССР, который был представлен в союзных и автономных республиках, краях и областях своими уполномоченными. С 1 сентября 1944 г. в Пензенской области была введена должность уполномоченного Совета по делам религиозных культов². В обязанности уполномоченного Совета по делам религий входило проведение работы по осуществлению контроля за соблюдением законов о культах, основными направлениями которой являлись «не только не допускать незаконной деятельности церковников, но и исключить возможные случаи неправомерных действий в отношении религиозных общин, духовенства и верующих со стороны отдельных должностных лиц местных организаций и тем самым обеспечить предоставленное законом гражданам право на свободное отправление религиозных обрядов»³. По замечанию уполномоченного Совета, сложность положения представителей Совета на местах заключалась в том, что, как правило, сам уполномоченный и «работники аппарата уполномоченного не владели татарским языком»⁴.

Уполномоченный по Пензенской области докладывал в центр, что контроль за выполнением и соблюдением советского законодательства о религиозных культах в регионе, что в целом было характерно для Среднего Поволжья, осуществлялся, главным образом, «через председателей и секретарей райисполкомов; через беседы с посетителями – верующими, служителями культов, приходящим по различным вопросам культов, и путем бесед с представителями советских органов и отдельными верующими во время выездов на места»⁵. Несмотря на провозглашенный принцип отделения церкви от государства, власть активно вмешивалась в религиозную практику. На местах, в частности, в Пензенском регионе, по замечанию уполномоченного, «райгорисполкомы используют свое право и разрешают ... вопросы, связанные с выдачей разрешений по проведению собраний учредителей общин, на отвод неудобных нам лиц из состава исполнительных органов и ревизионных комиссий и по другим вопросам»⁶.

Часто отношения между уполномоченными Совета и местными партийными и советскими органами в Среднем Поволжье складывались весьма неоднозначно. Ведь, в первую очередь, именно от позиции самого уполномоченного Совета по делам религиозных культов, его понимания своих задач зависело положение верующих и священнослужителей на местах. Осознание значимости политического контроля за деятельностью религиозных формирований не только в теоретическом направлении, но и прикладном появилось у партийных органов на местах не сразу. Так, в 1945 г. уполномоченный Совета по делам религиозных культов по Пензенской области С. Д. Горбачев⁷ в своем Информационном отчете в столицу докладывал: «Работать ... приходится в условиях крайне неудовлетворительных, а именно: нет отдельного для работы помещения, нет даже своего рабочего места. Вместе с Уполномоченным Совета по делам Русской православной церкви работаем за одним столом общей канцелярии облисполкома, имеем на двоих один железный ящик для хранения

документов. Нет возможности использовать положенную по штату единицу – секретаря-машинистку, т.к. отсутствует рабочее место.

Принимать верующих и духовенство приходится так, что во время приема Уполномоченным Совета по делам Русской православной церкви, мне, как сидящему рядом за одним столом, приходится отходить на почтительное расстояние...»⁸. Хотя властями неоднократно принимались решения о выделении помещений, ни одно из них не было выполнено. Характерно, что столь пренебрежительное отношение руководства облисполкома к уполномоченному Совету по делам религиозных культов расценивалось самим духовенством как «ущемление их законно-правового положения»⁹.

В Пензенской области ислам был второй по численности религией после православия. Татарское население Пензенского региона (5,4% всего населения) проживало в 45 татарских селах 13 районов области. Уполномоченный Совета по делам религиозных культов по Пензенской области условно подразделял данные населенные пункты по степеням религиозности: повышенная (с. Нижняя Елюзань, Средняя Елюзань, Верхняя Елюзань Городищенского района, Кобылкино Каменского района, Кочелейка Головинщенского района, Индерка Сосновоборского района, Большой Труев Кузнецкого района, население которых характеризовалось стабильно высокой религиозной активностью, доминирующим содержанием мужчин среди верующих и т.д.), умеренная (с. Малый Труев, Татарский Канадей, Бестянка Кузнецкого района, Демино Неверкинского района, где «молодежь ... мечетей не посещает, а если и бывают отдельные случаи посещения молодежью мечетей, то они весьма незначительны, не массовы»¹⁰); относительно низкая (с. Татарский Шелдаис Беднодемьяновского района, Татарское Никольское Пачелмского района, Татарская Пенделка Кузнецкого района, Бигеево Неверкинского района, в которых наблюдалась более низкая посещаемость мечетей верующими, главным образом, пожилых и средних возрастов, хождения на кладбища не носят массовый характер и т.п.)¹¹.

К середине 1940-х гг. в Пензенском крае было зарегистрировано 14 мусульманских религиозных обществ, в каждом из которых насчитывалось до 3500–4000 чел. верующих. Общее количество верующих мусульман в Пензенском крае составляло свыше 20000 чел. В Пензенской области в 1945 г. было зафиксировано 7 действовавших исламских культовых зданий – мечетей (в Кузнецком, Городищенском, Каменском, Неверкинском, Беднодемьяновском и Сосновоборском районах); причем, четыре из них было открыто в 1945 г.¹² Поскольку основная часть татарского населения Пензенской области проживала в Кузнецком районе, то там официально функционировало 5 мечетей¹³. Недействовавших мечетей в середине 1940-х гг. в Пензенском крае было 75, из них 29 зданий мечетей было занято под детские, лечебные учреждения, клубы и кинотеатры, 28 – под склады, мастерские и другие хозяйственные помещения, 18 зданий просто пустовало¹⁴. В Вадинском, Шемшейском, Иссинском, Лунинском, Лопатинском, Белинском районах Пензенской области, в которых имелись татарские села, действовавшие мечети отсутствовали. Нерегулярно функционировали незарегистрированные группы мусульман в с. Плетневка, Решетино Пачелмского района, Татарская Кутеевка Белинского района, Усть-Уза Шемшейского района¹⁵. Действующей мечети в Пензе не было. В качестве места сбора верующих мусульман использовались городское татарское кладбище и дома мусульман. Организаторами молений в Пензе являлись пенсионеры в возрасте 70–80 лет Л. Бекташев, кладбищенский сторож, Л. Каркаев, Ларин, М. Тифитуллин¹⁶.

Мечети являются материальной базой социальной консолидации мусульман, духовными центрами мусульманского населения и опорными точками в процессе массового распространения ислама. Большая часть мусульманских общин возникла и существует на базе мечетей. Без их создания невозможна активная пропаганда исламского учения. Советская власть нанесла значительный ущерб исламским культовым зданиям. В Пензенском регионе верующим мусульманам в большей степени, нежели христианам, удалось сохранить свои культовые здания. Если общая численность действовавших православных церквей в Пензенской области к концу 1940-х гг. по сравнению с дореволюционным периодом составляла лишь 2%, то количество мечетей достигало 17,5%¹⁷. В соответствии с «Инструкцией для уполномоченных Совета по делам религиозных культов» после разрешения Совета на открытие мечети необходимо было в 7-дневный срок заключить с местными верующими договор на передачу здания мечети и культового имущества. В договоре предусматривалась передача здания в бессрочное бесплатное пользование верующим, которые, в свою очередь, должны были «беречь здание, мечетью и ... предметами культа ... пользоваться

исключительно для удовлетворения религиозных потребностей...»¹⁸ Мечети в Пензенской области являлись своего рода универсальными культовыми зданиями, т.е. среди них в исследуемый период уже отсутствовало четкое деление на соборные и пятничные, сельские и квартальные. Пензенские мечети, в основном, были возведены в период с 1865 г. по 1922 г., представляли собой деревянные срубовые здания средней вместимости 200–500 чел.¹⁹ Как только уполномоченный Совета по Пензенской области приступил к исполнению своих обязанностей, т.е. с 1 сентября 1944 г., мусульмане начинают активно подавать прошения об открытии мечетей. Так, только за период с сентября 1944 г. по май 1945 г. было зарегистрировано 9 таких заявлений²⁰.

В течение исследуемого периода в Среднем Поволжье существовали так называемые «самозванные» или «нелегальные» муллы, которые занимались отправлением религиозных обрядов, главным образом, в сельской местности: в Пензенской области – с. Алеевка Неверкинского района, Кикино, Телятино Каменского района, Усть-Инза Никольского района и т.д.²¹

К середине 1940-х гг. отмечалось повышение религиозной активности среди пензенских мусульман, в связи с чем уполномоченный Совета С. Д. Горбачев подчеркивал: «В деятельности мусульманского духовенства и религиозных обществ ... необходимо отметить некоторое их оживление и активизацию в области расширения своего влияния на окружающее население», практика местных мусульманских общин «направлена, главным образом, на поддержание религиозных устоев, на регулярное отправление молитвенных собраний, на выполнение всех религиозных обрядов населением, ... на сбор денежных средств для поддержания в порядке молитвенного здания, на большее вовлечение населения в число верующих и особенно молодежи»²². И необходимо отметить, что мусульманские объединения в решении поставленных задач добились значительных успехов. «Прибывшие из армии более молодые возрасты населения, традиционно соблюдая свое уважение к старшим, и под влиянием их начали посещать мечети», – отмечал уполномоченный²³. Под возрастание количества верующих, увеличение жертвоприношений и различного рода финансовых пожертвований было подведено своего рода «идеологическое обоснование» – воздать долг Аллаху, который хранил и помогал верным последователям веры в Великой Отечественной войне. Пензенский уполномоченный сообщал в столицу: «В период Великой Отечественной войны мусульмане по своей традиции давали обет приношения специальных жертвоприношений и молитв за сохранение здоровья и жизни своим близким, находившимся в рядах Советской Армии, и по возвращении таковых из армии данный ими в свое время обет выполняли»²⁴. Посещение демобилизованными мечетей значительно укрепляло авторитет веры и привлекало в храмы молодежь. Данная практика была вскоре прекращена уполномоченным, поскольку все это способствовало значительному подъему религиозности татарского населения.

Пензенские мусульмане активно поддерживало все начинания советского руководства. Так, за период с 1 сентября 1944 г. по 1 июня 1945 г. в фонд Красной Армии и семей военнослужащих верующими и духовенством мусульманского вероисповедания было сдано 17340 руб. и 150 шт. овчин²⁵. По окончании войны мусульманские общины Кузнецкого района Пензенской области собрали 3600 руб. на помощь инвалидам и сиротам Великой Отечественной войны²⁶.

Таким образом, пензенские мусульмане во время Великой Отечественной войны однозначно заняли патриотическую позицию, активно участвовали во всех акциях советского руководства. В период войны в силу объективных причин ислам получил более «льготные» условия существования, в том числе и на региональном уровне, однако уже в 1950-х гг. власти начинают ужесточать свою политику в отношении верующих.

Примечания

¹ Государственный архив Пензенской области (ГАПО) Ф. 2392. Оп. 1. Д. 2. Л. 16.

² ГАПО Ф. 2392. Оп. 1. Д. 1. Л. 6.

³ Там же. Д. 41. Л. 50.

⁴ ГАСО Ф. Р-4089. Оп. 1. Д. 11. Л. 87.

⁵ ГАПО Ф. 2392. Оп. 1. Д. 1. Л. 389.

⁶ ГАПО Ф. 148. Оп. 1. Д. 4617. Л. 113.

⁷ В 1957 г. в связи с сокращением должности уполномоченного Совета по делам религиозных культов «исполнение мероприятий, связанных с деятельностью религиозных культов в области, облисполком возложил на уполномоченного Совета по делам Русской Православной церкви по Пензенской области тов. С. С. Попова» // ГАПО Ф. 2392. Оп. 1. Д. 25. Л. 3.

⁸ ГАПО Ф. 2392. Оп. 1. Д. 1. Л. 6.

- ⁹ Там же. Л. 6-об.
¹⁰ Там же. Л. 545.
¹¹ Там же. Л. 42.
¹² Там же. Д. 2. Л. 34.
¹³ Там же. Д. 1. Л. 391; Д. 41. Л. 5; Д. 91-а. Л. 19.
¹⁴ ГАПО Ф. 148. Оп. 1. Д. 5235. Л. 59.
¹⁵ ГАПО Ф. 2392. Оп. 1. Д. 41. Л. 5.
¹⁶ Там же. Д. 1. Л. 391.
¹⁷ Там же. Д. 2. Л. 34.
¹⁸ Там же. Д. 14. Л. 16.
¹⁹ НА РТ Ф. Р-873. Оп. 1. Д. 7. Л. 8-9; ГАПО Ф. 2392. Оп. 1. Д. 18. Л. 124; Д. 29. Л. 23; ГАУО Ф. Р-3705. Оп. 1. Д. 55. Л. 50-53; ГАСО Ф. Р-4089. Оп. 1. Д. 15. Л. 1-6.
²⁰ ГАПО Ф. 2392. Оп. 1. Д. 1. Л. 6-б.
²¹ Там же. Д. 41. Л. 5; Д. 91-а. Л. 19.
²² Там же. Д. 1. Л. 104, Д. 97. Л. 1.
²³ Там же. Л. 108.
²⁴ Там же. Л. 116, 118.
²⁵ Там же. Л. 7.
²⁶ ГАПО Ф. 148. Оп. 1. Д. 4714. Л. 14.

Библиографический список

- Ахмадуллин В. А.* Политика советского государства по отношению к мусульманской религии в 1917–1945 гг.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2002.
- Ахмадуллин В. А., Мельков С. А.* Государственно-исламские отношения в России: история, теория, механизмы, военно-политические аспекты. М., 2000.
- ГАСО Ф. Р-4089. Оп. 1. Д. 11, 15.
- ГАУО Ф. Р-3705. Оп. 1. Д. 55.
- Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 148. Оп. 1. Д. 4617, 4714, 5235; Ф. 2392. Оп. 1. Д. 1, 2, 14, 18, 25, 29, 41, 91-а, 97.
- Гусева Ю. Н.* История татарских сельских общин Нижегородской области в XX веке (1901–1985 гг.). Нижний Новгород, 2003.
- Ибрагимов Р. Р.* Государственно-конфессиональные отношения в Татарстане в 1940–1980-е гг.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2004.
- Керимов Г. М.* Происхождение и социальная сущность ислама и шариата // Ислам: происхождение, история и современность. М., 1984.
- Королев А. А.* Власть и мусульмане России. 1945–2000 гг. (По материалам Среднего Поволжья). Пенза, 2007.
- Королев А. А., Ключина Л. В.* Религиозные организации Пензенской области (вторая половина 1940 – первая половина 1960-х гг.). Пенза, 2004.
- Ланда Р. Г.* Ислам в истории России. М., 1995.
- Малашенко А. В.* Исламское возрождение в современной России. М., 1998.
- НА РТ Ф. Р-873. Оп. 1. Д. 7.
- Набиев Р. А.* Ислам и государство. Культурно-историческая эволюция мусульманской религии на Европейском Востоке. Казань, 2002.
- Народы Кавказа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: мат-лы науч.-практ. конф. Махачкала, 2005.
- Религиозные организации и верующие Прикамья в годы Великой Отечественной войны: мат-лы науч.-практ. конф. 12 мая 2005 г. Пермь, 2005.
- Религиозные организации Советского Союза в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1995.
- Саидбаев Т. С.* Ислам и общество. М., 1975.
- Топольникова З. С.* Православные и исламские организации в годы Великой Отечественной войны // Великой Победе – 60 лет. Уфа, 2005.
- Юнусова А. Б.* Ислам в Башкирии. 1917–1994. Уфа, 1999.

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.06.2010